

Сам писатель неоднократно утверждал, что всему в своей жизни он обязан «взыскательнейшей винной культуре», и сетовал на то, что «винная мифология» в русской лит-ре недостаточно разработана. П. называют одним из последних модернистов русской словесности, и его творчество, несомненно, тяготеет к худож. системе русского модерна.

На поэтические тексты П. несомненное влияние оказала его многолетняя работа на радио. «Поэзия Померанцева — это и есть апофеоз эфира, его неосвязаемости, эфирности, воздушности» — так охарактеризовал основные черты худож. системы П. Глеб Шульпяков (Там же). Сам же П. неоднократно утверждал, что поэзия и радио живут в одной стихии — воздушной. Глубинное родство поэзии и радио стало одной из главных тем прозаической книги П. «Радио С» (М., 2002).

П. — первый лауреат учрежденной альянсом «Urbi» премии имени П. А. Вяземского. Публикует поэтические и прозаические тексты в ж. «Синтаксис», «Ковчег», «Континет», «Родник», «Время и мы», «Камера хранения», «Знамя», «Звезда», «Октябрь» и др. Был членом консультативного совета ж. «Форум» (Мюнхен), членом редколлегии ж. «Контрапункт» (США).

Соч.: Альбы и серенады: проза. Лондон, 1985; Стихи разных дней. СПб., 1993; Предметы роскоши: книга прозы. СПб., 1993; По шкале Бофорта: эссе. СПб., 1997; News: стихи и эссе. Киев, 1998; Почему стрекозы? СПб., 1999; Красное и сухое: эссе. М., 2000; Радио С: проза. М., 2002.

Лит.: Печень под черным паром. Игорь Померанцев: Всеу в своей жизни я обязан вину / беседу вел Глеб Шульпяков // ИГ Ex libris. 2004. № 26. 15 июля; Шульпяков Г. Померанцев, миртов шепот // Там же.

Е. Ю. Раскина

ПОПЛАВСКИЙ Борис Юлианович [24.5 (6.6).1903, Москва — 9.10.1935, Париж] — поэт, прозаик.

По справедливому замечанию французского русиста Л. Аллена, творческое наследие П. и поныне ждет своего истолкователя. При этом нельзя сказать, что П. обойден вниманием. Скорей, наоборот: и при жизни о нем писали много и многие, как, наверное, ни об одном из «молодых» представителей первой волны эмиграции (Г. Иванов, В. Набоков, М. Слоним, Д. Святополк-Мирский и др.). В отличие от мн. он не был забыт тотчас после гибели. Напротив, как вспоминал Г. Адамович, «вскоре после смерти поэта, на одном из

Б. Ю. Поплавский

публичных собраний, Мережковский сказал, что если эмигрантская литература дала Поплавского, то этого одного с лихвой достаточно для ее оправдания на всяких будущих судах» (Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. С. 13). И в дальнейшем «лит. рейтинг» П. медленно, но неуклонно рос. В 1950–60-е, когда дожившие до этого времени литераторы первой эмиграционной волны сели за мемуары, он оказался едва ли не самой колоритной фигурой, «главной достопримечательностью» русского Монпарнаса 1920–30-х. Подтверждение тому — книга «Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников», увидевшая свет на родине поэта в 1993. Перечень авторов, писавших о П., весьма внушителен, если к уже вышеназванным прибавить Г. Газданова, И. Одоевцеву, Н. Татищеву, Н. Берберову. Однако легко заметить, что почти все они — коллеги П., писатели и поэты. Профессиональные исследователи русской лит-ры XX в., за редким исключением (Л. Аллен, С. Карлинский), обходят стороной «феномен П.», словно бы оказавшись не готовыми к его постижению. Но и в свидетельствах современников П. поражает разноголосица, резкая поляриность мнений, касается ли это личности поэта, его короткой жизни, загадочной гибели или каких-либо аспектов его творчества. Зачастую можно подумать, что речь идет не об одном П., но о нескольких, причем совершенно разных поэтах. Вот как, например, говорят

два совр. П. литератора о генезисе его поэтики. А. Бахрах: «Как поэт, Поплавский не был переимчив, и трудно определить, по чьим стопам всходил он на Парнас» (Борис Поплавский в оценках... С. 27). Г. Газданов: «Я не знаю другого поэта, литературное происхождение которого было бы так легко определить» (Борис Поплавский в оценках... С. 60).

Романы П. «**Аполлон Безобразов**» и «**Домой с небес**» опубликованы целиком лишь в 1993. И поэтому все сказанное о прозе П. прежде требует коррекции, а полноценное осмысление и включение романов П. в контекст русской прозы XX в.— дело будущего. Прозаическое наследие П.— никоим образом не обычная «проза поэта», т. е. нечто достаточно второстепенное по сравнению с основным — стихами.

С др. стороны, Н. Берберова писала о П.: «...лучшее, что осталось от него,— это его дневниковая исповедь...» (Борис Поплавский в оценках... С. 150). А «**Дневники**» П., вызвавшие в свое время профессиональный интерес у Н. Бердяева (Борис Поплавский в оценках... С. 150–155), в полном объеме увидели свет лишь в 1996.

П. родился в семье музыкантов. И отец его, Юлиан Игнатьевич, по происхождению поляк, внук крепостного крестьянина, и мать, прибалтийская дворянка София Валентиновна, урожденная Кохмановская,— оба окончили Московскую консерваторию. Однако от музыкальной карьеры отказались: отец служил в Обществе заводчиков и фабрикантов, мать занималась воспитанием детей.

П. учился в московском Французском лицее Филиппа Неррийского, параллельно занимаясь музыкой и рисованием. Стихи начал писать под влиянием старшей сестры Наталии, в канун революции издавшей свой единственный сб. (Поплавская Н. Стихи зеленой дамы. М., 1917).

В 1918 П. вместе с отцом уехал из Москвы на юг России, а в дек. 1920 — после захвата Красной Армией Крыма — оказался в Константинополе, где, по свидетельству отца, «посещая подготовительные курсы на аттестат зрелости, охотно рисовал с натуры, много читал... Но все это проделывал, смотря на жизнь свою сквозь глубокий покров мистики, как бы чувствуя дыхание истоков Византии, породившей православную веру, которой он отдался беззаветно» (Борис Поплавский в оценках... С. 79). Попытка — на пределе интеллектуальных и эмоциональных возможностей — «выяснить отношения с Богом» («роман с Богом», как говорил сам П.), вера, а точнее, мучительная жажда обрести и, об-

ретенную, удержать ее,— в дальнейшем они и будут решительным образом определять как творчество, так и саму жизнь П. Но православие П. не будет отличаться особой «конфессиональной чистотой»: ему будут присущи не только осязаемый католический оттенок (культ св. Терезы) и определенный «ветхозаветный уклон» в розановском духе, но и несомненные тео- и антропософские «ереси».

В 1921 семья П. переезжает во Францию, где П. поступает в Парижскую худож. академию «Гранд Шомьер». В 1922 для продолжения занятий живописью он отправляется в Берлин, тогдашнюю «столицу» русской эмиграции. Там он знакомится с А. Белым и, вернувшись в Париж, очевидно не без впечатлений от этого знакомства, уже целиком посвящает себя лит. занятиям. Некоторое время он посещает лекции на историко-филол. ф-те Сорбонны, но вскоре оставляет ун-т, избрав путь самообразования. Практически ежедневно он пишет «свое» (стихи, дневниковые записи, позднее — прозу), а многочасовые штудии в библиотечном зале (А. Бахрах потом скажет об «огромной начитанности» поэта) чередует с тренировками в зале спортивном. Лит. одаренность соединяется в П. с мощным волевым началом: будучи в детстве «хилым мальчуганом и плаксою» (Яновский В.— С. 14), в итоге многолетних изнурительных занятий гиревым спортом и боксом он добьется того, что к концу 1920-х его известность как поэта будет соперничать с репутацией человека исключительной физической силы.

Впервые стихи П. были опубликованы в 1928 в парижской «Воле России». А уже в 1929 Д. Святополк-Мирский напишет: «Среди парижан определенно выделится Борис Поплавский» (Борис Поплавский в оценках... С. 166). С 1929 стихи П. постоянно печатаются в почти недоступных «молодым авторам» «Совр. записках». В ж. «Числа» П. регулярно публикует стихи, критические статьи, отрывки из первого романа.

В 1931 благодаря единовременной поддержке мецената выходит первый поэтический сб. П. «**Флаги**», о котором Г. Иванов говорит в рецензии: «Силу „нездешней радости“, которая распространяется от „Флагов“, можно сравнить безо всякого кощунства с впечатлением от „Симфоний“ Белого и даже от „Стихов о Прекрасной Даме“» (Борис Поплавский в оценках... С. 159). К этому времени П. всюду «принят», в т. ч. у Мережковских. И. Одоевцева вспоминает: «Зинаида Николаевна хорошо приняла его, и он вскоре

сделался желанным гостем на „воскресеньях“. Выяснилось, что он замечательный оратор. Лучший даже, чем „златоуст эмиграции“ Адамович» (Борис Поплавский в оценках... С. 70). Словом, все складывается в лит. судьбе П. весьма успешно. Более того, 30-летний поэт имеет «собственного Эккермана!» Много лет спустя поэт, прозаик и мемуарист граф Н. Татищев напишет: «Каким бы глупым перестарком я ни был в 30-х гг., перед вторым попомом, все же понимал и поэтический уровень Поплавского, и что моя обязанность — по возможности сохранить все им сказанное...» (Борис Поплавский в оценках... С. 121).

Однако вот что пишет в это время П. в дневнике: «...по-прежнему киплю под страшным давлением, без темы, без аудиторки, без жены, без страны, без друзей» (Борис Поплавский в оценках... С. 29). Внешние «успехи» на поверку оказываются весьма эфемерны. А «личная жизнь» П. не складывается. Так же, впрочем, как и «роман с Богом». Его материальное положение все без исключения определяют как полунищенское. Он существует на мизерное пособие Синдиката французских художников, членом которого состоит. П. балансирует на грани нервного срыва. Вдобавок откровенно богомный образ жизни (занятия в библиотеке Св. Женевьевы заканчиваются в ночных кафе Монпарнаса), вызывающее поведение, «артистическая антибуржуазность», простирающаяся до намерения вернуться на родину (т. е. в СССР 1930-х), — все это как бы прощается теми немногими, кто близко знает П. Но у прочих лишь усиливает — или рождает — его неприятие. Наиболее опытные и дальновидные тогдашние лит. оппоненты П. впоследствии все-таки признают его. Так, В. Ходасевич в 1938 напишет: «Как лирический поэт, Поплавский несомненно, был одним из самых талантливых в эмиграции, пожалуй — даже самый талантливый» (Борис Поплавский в оценках... С. 178). В. Набоков, один из авторов досуществовавшего до наших дней мифа о «неграмотности П.», в 1951 скажет: «Я никогда не прошу себе той злобной рецензии» (Борис Поплавский в оценках... С. 166–168; имеется в виду рецензия В. Набокова на «Флаги»). Однако Г. Струве и в 1956 («Русская литература в изгнании») будет писать о П. с глухой неприязнью.

Сб. «Флаги» оказался единственным признанным сб. П. Попытки выпустить отд. изд. роман «Аполлон Безобразов» («Домой с небес» П. закончил за несколько дней до смерти) успехом не увенчались.

Отец поэта написал: «Глубоко загадочны были последние годы Бориса Поплавского». Так или иначе, но 9 окт. 1935 П., совместно с неким С. Ярхо приняв «сверхдозу» героина, скончался. Вероятней всего, это было умышленное убийство. Хотя версии несчастного случая и самоубийства до конца не исключаются.

Стихи П. периода «Флагов» существуют на стыке двух культур. В них преломляется опыт как новой русской (Блок, Пастернак, Хлебников), так и французской (Рембо, Аполлинер) поэзии. Ю. Терапиано писал: «Замечательность стихов и впечатление, производимое ими, состоит в том, что он, по существу, был первым и последним русским сюрреалистом» (Борис Поплавский в оценках... С. 136). Его стихи нередко представляют собой «пересказ» неких несуществующих картин. Не случайно поэзию П. неоднократно соотносили с живописью Шагала и, отмечая мощное мелодическое начало, все-таки находили ее «более живописной, чем музыкальной» (Борис Поплавский в оценках... С. 180). Визионерское небрежение логикой, «психоделический» характер образов, нарочитое нарушение языковых норм приводят к тому, что, как писал Ю. Терапиано, «для формалистов „аполлоновского типа“, тщательно отделяющих, вылизывающих каждую строку, стихи П. невыносимы» (Борис Поплавский в оценках... С. 135).

В стихах П. 1930-х (посмертный сб. «Снежный час») меньше формальной «умышленности», а «трагический импрессионизм» лучших заставляет говорить о П. как о достойном продолжателе традиций русской метафизической лирики.

Дальнейший переход П. к прозе закономерен. «Писать без стиля, по-розановски, искать, скорей, приблизительного, чем точного, животно-народным, смешным языком, но писать» — так П. определяет свой «творческий метод» в начале 1930-х. Проза, обладающая большей степенью формальной свободы, становится следующим этапом развития для «поэта самопознания» (Н. Татищев). Но и сама проза П. претерпевает аналогичную его поэзии эволюцию: от изобилующего блестящими стилистическими играми «Аполлона Безобразова» (1932) — к жестоко исповедальному, автобиографичному «Домой с небес» (1935), роману о «потерянном поколении» русских эмигрантов, где происходит почти полное «стирание грани меж литературным и личным документом» (Г. Адамович).

Соч.: СС: в 3 т. Беркли, 1980–81; СС: в 3 т. М., 2000; *Домой с небес*: романы. СПб., 1993; *Неизданное*. Дневники, статьи, стихи, письма. М., 1996; *Сочинения*. СПб., 1999; *Покушение с негодными средствами*. М.: Гилея, 1997; *Дадафония*. М., 1999; *Автоматические стихи*. М., 1999.

Лит.: Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. СПб., 1993; Яновский В. Поля Елисейские. СПб., 1993; Аллен Л. *Домой с небес*. О судьбе и прозе Бориса Поплавского // *Домой с небес*. С. 3–18; Чагин А. И. Орфей русского Монпарнаса: О поэзии Б. Поплавского // *Российский литературоведческий ж.* 1997. № 9. С. 286–312; Каспэ И. Ориентация на пересеченной местности: Странная проза Б. Поплавского // *Новое лит. обозрение*. 2001. № 47. С. 187–202; Менегальдо Э. «Исход на Запад» в творчестве Б. Поплавского и Г. Газданова // *Europa Orientalis*. Salerno. 2003. Т. 22. № 2.

В. Ю. Бобрецов

ПОПОВ Валерий Георгиевич [8.12.1939, Казань] — прозаик.

Родился в семье биолога. В 1963 окончил Ленинградский электротехнический ин-т им. В. И. Ульянова-Ленина (ЛЭТИ). По утверждению самого писателя, с точки зрения литературной ЛЭТИ был «вуз блистательный, знаменитый капустником „Весна в ЛЭТИ“». Студенты отличались стремлением к остроумию, игре со словом, вдохновенно шутили и устраивали розыгрыши. Поэтому несмотря на техническое образование П. с юности отличался необыкновенным чувством слова, пи-

В. Г. Попов

сал стихи. П. участвовал в литобъединении при изд-ве «Советский писатель», его первые лит. опыты одобрил М. Л. Слонимский. После окончания института работал в НИИ инженером. В одном из интервью П. рассказывал, каким образом он начинал писать рассказы: «Как-то я сидел в лаборатории и читал детектив под столом. Там была фраза: „Раздался выстрел — Сергеев взмахнул руками и упал замертво. Андреев насторожился...“. Этот глагол меня потряс — друга убили, а герой всего лишь насторожился. И я написал рассказ „Случай на молочном заводе“, когда шпиона ловят в твороге, этот творог съедают, а потом он убегает в масло — и приходится есть масло. Рассказ выплеснулся — и я определился» (*Общая газ*. 2001. № 12).

Первый рассказ «Я и автомат» был опубликован в сб. «Испытание» в 1963. В 1970. П. закончил сценарный факультет ВГИКа (заочно), что существенным образом повлияло на поэтику его рассказов (кинематографическое соотношение ближнего и дальнего плана, особый монтаж, усиленная роль детали, «разорванная стилистика» произведения, цветовые доминанты...). В 1969 вышел в свет первый сб. рассказов П. «Южнее, чем прежде», в 1970 он стал членом СП СССР, в 1980-е возглавлял секцию прозы, был заместителем председателя Ленинградской организации СП, до 1999 руководил отделением ПЕН-центра в СПб.

Становление П. как писателя происходило в лит. компании ленинградских литераторов Е. Рейна, А. Наймана, И. Бродского, А. Битова, В. Аксенова. Однако «ленинградская школа» дала молодому автору лишь чувство свободы, верности своему творческому мироощущению, особый «питерский стиль», отдаленный от идеологических и социальных веяний эпохи. Его худож. мир уникален и неповторим. Если попытаться его сравнить с близкими ему художниками, то лишь на дальней периферии можно обнаружить нечто сближающее его С. Довлатовым — лаконичность худож. осмысления мира, афористичность, иронию, фрагментарность текста и вместе с тем определенную близость всех произведений, составляющих особую «гротесковую» эпопею совр. жизни.

Гротеск, по утверждению П., «блеск литературы», «создать гротеск — значит войти в вечность. Гротеск — самое легкое разрешение ужаса» (*Общая газ*. 2001. № 12. 22–28 марта). Гротеск — главный худож. принцип прозы П. Однако он служит не только сатирическому осмеянию действительности и пошлости социального бытия, он выявля-